

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

St.Petersburg Journal
of Oriental Studies

выпуск 2

volume 2

Центр

"Петербургское Востоковедение"

и

Издательско-Коммерческая Фирма

"В о д о л е й"

Санкт-Петербург

1992

СЮЖЕТЫ, СВЯЗАННЫЕ С НАРУШЕНИЕМ ЗАПРЕТОВ, В ЯПОНСКИХ МИФАХ

В.Н.Горегляд

Институт Востоковедения
(Санкт-Петербург)

Мифы, включающие мотив о нарушении запретов, интересны и в типологическом плане, и из-за возможности проследить генезис некоторых элементов этих мифов. Рассмотрим четыре из распространенных в древней Японии сюжетов. Все они относятся к историям о супружеских парах. При этом в трех случаях нарушителем запрета представлен мужчина и в одном - женщина.

Мотив запрета играет в архаичном фольклоре сюжетобразующую роль. "Запрет в фольклоре, - отмечал В.Я.Пропп, - всегда нарушается. Иначе не было бы сюжета. Запрет и нарушение - парная функция" /Пропп, 1984, с.179/.

Первый такой сюжет содержится в мифе о божественных супругах Идзанами и Идзанаги. Самозародившись из первоначального хаоса последней из семи пар существ, божественные супруги (они же - брат и сестра) приступили к акту творения. В конце этого акта богиня Идзанами породила Кагуцути, бога огня, опалившего ей лоно, отчего богиня умерла и удалилась под землю, в страну Тьмы. Вне себя от горя Идзанаги рассек Кагуцути мечом и устремился за ней вслед; чтобы вернуть супругу в верхний мир.

- Господин мой и супруг, - встретила его вопросом Идзанами, - почему пришел ты так поздно? Я уже вкусила пищу Еминокунни - Страны Тьмы! - и попросила не смотреть на нее, пока она отдохнет.

Богиня наложила запрет, который Идзанаги нарушает, и в свете факела из зуба своего гребня видит полуразложившийся труп возлюбленной, на котором кишат личинки. Ужасное зрелище заставило Идзанаги отпрянуть, а Идзанами, обнаружившая, что ее запрет нарушен, разгневалась и отправила вдогонку ему страховидных женщин Страны Тьмы (или страны Желтого Источника) - восьмерых, что по древнеяпонскому счету означало бесчисленное множество.

Погоня с преодолением многочисленных препятствий продолжалась, покуда Идзанаги выбежал из подземного мира через Ровный Холм Желтого Источника, перегородив который, отделил мир живых от мира мертвых. Стоя по разные стороны преграды, супруги обменялись ритуальными обещаниями. "Милый мой господин и супруг, - произнесла богиня Идзанами, - раз ты говоришь так, я стану предавать смерти людей из той страны, которой ты управляешь, - по тысяче человек в день". На это беглец ответил: "Возлюбленная моя младшая сестра, раз ты говоришь так, я стану давать рождение пятнадцати сотням человек в день!"

Если не считать сюжета о спасении от погони и о помощниках, очень распространенного в мировом фольклоре, в этой части мифа обращает на себя внимание не только описание запрета и его нарушения (по-видимому, здесь мы имеем дело с оригинальным наполнением распространенной модели, означающим не столько саму разлуку, сколько разрушение надежды избежать ее), но и первое упоминание о Стране Желтого источника, как о подземном мире, куда стремятся души усопших, и описание диалога демиургов о победе рождений над смертями.

Потусторонний мир в японских мифах обозначается по-разному: Нижняя Страна, Страна Тьмы, Страна Корней и т.д. Страной Желтого Источника его называли в Китае, в зоне лессовых отложений. Оттуда термин попал в японский мироустроительный миф. Диалог демиургов вызывает у исследователей параллели с соответствующими сюжетами в мифах народов Новой Зеландии и островов южной части Тихого океана /Асакура, 1971, с.57; 458/.

Другой сюжет, связанный с нарушением запрета, входит в миф о Хикохоходэми-но-микото, который был дедом первого императора Японии, Дзимму-тэнно. Здесь рассказывается о том, как Хикохохо-дэми-но-микото (Хоори-но-микото или Ямасатибико, Удачливый в горах) был занят охотой, а его старший брат, Хосусори-но-микото (Ходэри-но-микото или Умисатибико, Удачливый на море) - рыболовством. Однажды Хоори-но-микото попросил старшего брата на время обменяться снастями, забросил его рыболовный крючок в море - и упустил. Ходэри-но-микото рассердился на младшего брата и потребовал найти потерю.

В поисках утонувшего крючка Хоори-но-микото испытал много приключений, пока перед ним открылась дорога в пучине моря, которая и привела его ко дворцу морского царя.

Хоори-но-микото женился на дочери морского царя, принцессе Тоётама-химэ, и прожил с нею три года. Потом Хоори-но-микото стала снедать тоска по дому и он рассказал историю своих злоключений морскому царю. Пропавший крючок был обнаружен в горле рыбы тай. Взяв этот крючок и подарок морского царя - две заговоренные яшмы, Хоори-но-микото сел на спину крокодилу и возвратился на берег. Дома он вернул крючок старшему брату, но по наущению морского царя начал при помощи волшебных драгоценностей то заливать водой, то иссушать поля Ходэри-но-микото, так что за три года не только совершенно разорил его, но в конце концов заставил служить себе.

Принцесса Тоётама-химэ, обнаружившая, что скоро ей придет время рожать, тоже отправилась к берегу вслед за своим мужем. Там она встретила с Хоори-но-микото, соорудила себе на берегу моря домик роженицы (в древней Японии роды, как и смерть, считались нечистыми, поэтому для роженицы сооружался специальный домик, в который посторонним входить было нельзя) и скрылась в нем, строго предупредив мужа, чтобы тот не подглядывал за нею.

Хоори-но-микото нарушил запрет и увидел, что в момент родов его супруга приняла свой натуральный вид - обернулась огромным крокодилом. Нарушение запрета заканчивается

разлукой: пристыженная Тоётама-химэ кинулась к морю и навеки скрылась в его глубинах.

История о братьях, один из которых был Удачлив в горах (на охоте), а другой Удачлив на море (в рыболовстве), имеет богатую литературу, в которой анализируется в разных аспектах. Интерпретации советских ученых (Конрад, Пинус) трактуют этот миф как персонифицированное изложение социальной или межплеменной розни, привязывают его к реальным географическим районам на территории Японских островов и, казалось бы, говорят в пользу автохтонного его происхождения; данные же, приводимые другой группой ученых, заставляют рассматривать этот сюжет с заметно отличных позиций. "Этот мотив, - утверждает проф.Кониси, - широко распространен посредством передачи от обеих сторон северной части Тихого океана. Но легенду, которая более всего приближается к истории о Хоори-но-микото, мы находим на Индонезийских островах Палау, Кей и Целебес" /Кониси, 1984, с.180/.

В легенде с острова Целебес (Сулавеси) "Поиски рыболовного крючка" повествуется о двух приятелях, богатом и бедном. Однажды бедняк, удрученный своей долей, глубоко задумался, как бы ему разбогатеть по примеру своего приятеля. И в конце концов решил он каждый день ходить к морю и ловить там на крючок рыбу, ибо понял, что охота в горах и собирание моллюсков на морском берегу не приносит ему ничего кроме нужды. Но у него не было рыболовного крючка, и бедняк попросил его взаймы у богатого приятеля. К несчастью, чужой крючок проглотила большая рыба, которая и скрылась с ним в пучине моря. Богач, к которому неудачник пришел просить прощения, не простил его и велел возвратить потерю. Пришлось бедняку опуститься на морское дно. Король той страны, что находится на дне моря, пронзил, как оказалось, крючком себе горло и страдал от невыносимой боли. Бедняк помог ему и возвратился домой не только с крючком, но и наградой - побегом бананового дерева, приносящего золотые плоды. Этот побег он посадил возле родника, а крючок возвратил владельцу.

Однажды, когда жена богача пошла к роднику, бедняк при помощи браслета, который он получил от солнца, вызвал грозу. Чтобы укрыться от дождя, женщина сорвала банановый лист и воспользовалась им вместо зонтика. Вскоре, когда ее муж захотел снова прикрепить этот лист к ветке, бедняк с помощью своего браслета устроил засуху, и лист засох. В конце концов, чтобы возместить бедняку убыток, вся семья богача поступила к нему в услужение /Масуда, 1970, с.164-165/.

Таким образом, сходство с японским сюжетом включает здесь и мотив волшебного предмета (две драгоценности+браслет), при помощи которого герой насылает на протагониста то дождь, то засуху (самые сильные стихийные явления для земледельческой культуры) и тем подчиняет его себе. По мнению Мацумура Такэо индонезийский сюжет был привнесен в Ямато, вероятнее всего, племенами хаято и ама¹. Тотемистический мотив превращения жены в русалку, в водное животное широко распространен в архаичном фольклоре народов Европы, Кореи, Китая, Юго-Восточной Азии /Асакура, 1971, с.336/. В японском варианте он оформлен в рассказ о "запретной комнате". Общую схему мотива запрета в мифе о двух братьях можно представить так:

1. Мужчина со сверхъестественными качествами вступает в брак с некоей женщиной.

2. Брак состоится при условии, что муж никогда не будет заглядывать в личную комнату жены.

3. В этой запретной комнате жена оборачивается животным.

4. Из-за того, что муж нарушает запрет, жена покидает его /Кониси, 1984, с.180/.

Считается, что окончательное оформление мифа о Хоори-номикото в Японии можно датировать седьмым веком н.э. /там же/. При этом связь этого мифа с сюжетом о рыбаке Урасима, несмотря

---

¹ Хаято и ама - племена, очевидно, полинезийского происхождения, проживавшие в южной части Японских островов. Захоронения Хаято в префектуре Ямато содержат много крупных рыболовных крючков из железа /Итико. 1979, т.1, с.83-84/.

на явно даосскую направленность последнего, не вызывает сомнений.

В 14-й книге "Анналов Японии" /Нихон секи, 720 г./, посвященной правлению 21-го "императора" /по хронологии, принятой в этом памятнике, - 457-479 гг. н.э./ упоминается сын рыбака Урасима из местности Мидзуноэ в провинции Тамба, который во время рыбной ловли поймал в море большую черепаха. Черепаха обернулась молодой женщиной, рыбак воспылал к ней страстью, женился на ней, и они вместе отправились далеко в море, достигли острова Хорай (кит.Пэнлай), где повстречались с бессмертными. В середине VIII века тот же сюжет в поэтической форме зафиксирован в IX книге антологии "Манъёсю" /накаута N 1740, каэсиута N 1741/, он же встречается в "Продолжении Анналов Японии" /Секу Нихонги, VIII в./ и в фудоки (естественно-географических описаниях) провинции Танго. В средние века был распространен в новеллах, пьесах и в авторской литературе.

В полном варианте сюжет об Урасима включает мотив нарушения запрета. Рыбак, прожив с женою (ее имя - Камэ-химэ, Дева-Черепаха) в стране бессмертных три года, затосковал по родным местам и отправился навестить их. В дорогу жена дала ему шкатулку, строго-настрого наказав не открывать ее. Когда Урасима прибыл к себе в Мидзуноэ, он был удивлен, не обнаружив там ни родственников своих, ни знакомых, ни даже известных ему построек. Оказалось, что за три года, проведенных им в краю бессмертных, на земле прошло триста лет, и все, кого он знал когда-то в родных местах, давно умерли. В отчаянии Урасима приподнял крышку заветной шкатулки, оттуда вышло белое облако, от чего молодой рыбак вмиг покрылся сединой, сделался дряхлым стариком и умер.

Таким образом, в японской мифологии можно назвать по крайней мере три сюжета, в которых женщина накладывает запрет, а мужчина нарушает его: об Идзанаги и Идзанами, о Хоори-номикото и Тоётама-химэ, об Урасима и Камэхимэ. Нельзя не заметить, что первые два случая связаны с синтоистскими представлениями о скверне (запрет на осквернение грязью смерти.

и грязью рождения, органичный для японского мирознания), а третий явно выпадает из этого ряда. Здесь нарушение запрета связано с изменением хода времени, т.е. понятием не синтоистским, а даосским прежде всего. И здесь, несмотря на внешнюю похожесть сюжетов о Хоори и об Урасима, во многих деталях второго из них проступают свои особенности - обилие даосских элементов: остров-гора Хорай; сэннины (сяни, даосские бессмертные), разница в течении времени между миром бессмертных и реальным миром.

Крупнейший знаток средневековых китайских рукописей в Японии профессор Кавагути Хисао находит некоторые сходные мотивы в историях о Хоори-но-Микото и рыбаке Урасима² с одной стороны и китайской легенде о верной Мэн Цзян-ньюй - с другой. Героиня китайской легенды обнаружила, что ее супруг, отправленный на работы по сооружению Великой стены, умер возле нее, и его кости смешались с костями множества безымянных строителей. Мэн Цзян-ньюй укусила себе палец, кровь из пальца подтекла под стену и оживила прах ее мужа. Этот сюжет зафиксирован среди текстов простонародной литературы бяньвэнь в китайских рукописях из пещер Дуньхуана (коллекция Парижской Национальной библиотеки) и в рукописном сборнике из японского буддийского монастыря Стимпукудзи в г.Нагоя (список 746 г.). Как образец китайской простонародной литературы легенда о Мэн Цзян-ньюй была опубликована в Шанхае в сборнике, изданном в 1955 г. В целом, по мнению японского ученого, она бытует более двух с половиной тысяч лет.

Профессор Кавагути высказывает мнение, что следы ее сходства с историями о Хоори-но-микото и о рыбаке Урасима обязаны своим появлением деятельности японских интеллектуалов раннего периода /Кавагути, 1970, с.13-22/. Многие специалисты

---

² Кавагути Хисао указывает следующие элементы сюжета, общие для этих двух историй: 1. На дереве прячется незнакомый юноша; 2. Фигура юноши отражается в воде; 3. Дочь хозяина дома, увидев этого юношу, влюбляется в него; 4. Хозяин разрешает брак своей дочери с незнакомцем; 5. Юноша вскоре возвращается домой; 6. Девушка, скучая по юноше, следует за ним.

указывают даже на личность возможного посредника, перенесшего сюжет о рыбаке Урасима на японскую почву: это Иёбэ-но Умакаи-но-мурадзи /658?-792?/, бывший губернатор провинции Тамба, участник составления кодекса законов Тайхо Рицурё, знаток китайской литературы и культуры /Кониси, 1984, с.419; Като, 1979, т.1, с.60/.

Как на существенную деталь в истории об Урасима указывают на разницу в течении времени в двух мирах - сказочном и реальном. В Японии издавна была известна китайская легенда о Лю Чэне и Юань Чжи, которые отправились однажды на гору Тяньтай набрать целебных трав, но по дороге заблудились и встретили двух девушек, которые и привели их "на родину сяней". Герои прожили среди бессмертных полгода в радости и удовольствиях, а когда возвратились домой, то обнаружили, что за время их отсутствия минуло десять поколений.

Исследуя генезис собственно легенды об Урасима, многие ученые указывают и на место зарождения аналогичных сюжетов в Китае - район к югу от реки Янцзы. Если до сих пор мы называли иноземные сюжеты, напоминаящие, скажем, легенду об Урасима или о Хоори (как индийская легенда о Пуруравасе и Урваши, см.[Мифы, 1975, с.40-43]) по типу или включающие общий с ними элемент, то к югу от Янцзы зафиксирован прямой прототип японской легенды.

Один рыбак, - говорится в китайской легенде, - возле озера Дунтинху (провинция Хунань) оказал однажды помощь молодой женщине. Эта женщина обернулась драконом (по китайским представлениям - существом мудрым и добрым) и привела рыбака во дворец дракона. Там рыбак женился на этой женщине, но потом стосковался по матери и возвратился в верхний мир. При расставании жена-драконша вручила рыбаку коробочку и сказала: Когда захочешь увидеть меня, повернись к коробочке и назови меня по имени. Но никогда не открывай ее". После того как рыбак прибыл в родные места, он обнаружил, что все там изменилось до неузнаваемости, и на родине не осталось ни одного человека из тех, кого он знал. Оказалось, что каждый день, проведенный им во

дворце дракона, равнялся пятнадцати земным годам. В расстройстве рыбак поднял крышку коробочки (нарушение запрета), из нее наружу вышел белый дым, и молодой рыбак мгновенно превратился в седовласого старца.

Именно детальное совпадение этого сюжета с легендой об Урасима дает основание профессору Кониси Дзинъити заключить, что из Китая в Японию легенда с озера Дунтинху попала благодаря письменной, а не устной форме, и что в японской среде рецепторами ее первоначально выступили интеллектуалы, от которых эта легенда и получила устное распространение среди японцев /Кониси, 1984, с.419-420/. Против этого предположения возразить трудно, как трудно возразить и против конкретной личности, предположительно введшей легенду в японский обиход, - Иёбэ-но-мурадзи. Но можно допустить, что это не был единственный путь проникновения сюжета о рыбаке в древний японский фольклор: он вполне мог быть распространен среди ранних китайских иммигрантов, селившихся компактными группами возле культурных и политических центров древней Японии. В данном случае мы можем констатировать только тот факт, что мотив запрета и его нарушения появлялся в архаичном японском фольклоре и на типологическом уровне, и на фоне ареальных бродячих сюжетов, и благодаря прямому заимствованию.

Обратимся к мотиву запрета, не затронутому в русскоязычной японоведческой литературе.

В "Хитати фудоки" содержится несколько сюжетов о схождении небесных богов³ на вершины гор. Характер этих историй свидетельствует об их оригинальном и очень древнем происхождении, а не о заимствовании из других источников. Так, в описание уезда Кудзи включена такая легенда:

"Большую гору восточнее (села Сацу) называют Кабирэнотока-минэ. (На ней) обитало небесное божество по имени

---

³ Японская мифология различает две линии богов - небесных и земных. Предположительно, одна восходит к циклу Ямато, другая - Идзумо.

Татихая. Его другое имя - Хаяфувакэ. Это божество спустилось с неба и жило в Мацудзава на широкой развилке сосны. Месть этого божества была жестокой. Например, если кто-либо из людей ходил по большой или малой нужде, оборотясь в сторону божества, то его сразу постигали несчастья, и он заболел. Люди, жившие поблизости, сильно страдали из-за этого и обратились к царскому двору, излагая обстоятельства (своего) положения. Царь послал (туда) Катаокано-омурадзи. Катаока, почтительно помолившись божеству, обратился к нему с (такой) мольбой: "(Я опасюсь, что), находясь здесь, ты видишь, как окрестные крестьяне утром и вечером творят грязные дела, и естественно, (что тебе здесь) не следует находиться. Пожалуйста, переселись отсюда и живи в чистом месте на высокой горе". Божество услышало это мольбу и поднялось на пик Кабирэ" /Древние фудоки, 1969, с.57/.

Налицо завуалированное нарушение табу: крестьяне нарушают запрет, не зная о его существовании. Дурные последствия нарушения снимаются устранением коллизии, предполагающей запрет. Божество здесь не персонифицировано, как в приведенных ранее сюжетах, где по характеру тотемных животных (черепаша, крокодил) можно косвенно судить об изначальных условиях жизни носителей мифа и древнейших его внешних связях. В некоторых японских мифах дочь морского царя оказывается непонятным образом связанной с миром звезд (очевидно, в основе этой связи лежит забытый к моменту письменной фиксации миф). Небо и водную стихию объединяет еще одно тотемное животное - змей (вариант - червь). Ключевым элементом сюжета - сокрытие (запрет видеть) его действительной сущности и обнаружение ее (нарушение запрета).

В "Хидзэн фудоки" записан миф о горе Хирэфури: "...Через пять дней после того, как Отохихимэко рассталась с Садэхико, появился один человек. Каждую ночь он приходил и спал с этой женщиной, а когда наступал рассвет, он быстро уходил. Внешностью он был похож на Садэхико. Женщине это показалось подозрительным, и она решила выяснить. Потихоньку она

прицепила (длинную) нитку за полу его одежды, и когда она пошла за этой ниткой, то вышла к озеру, что было на вершине горы.

(На горе) она увидела спящего змея. Тело его было человеческим и лежало на дне озера, а голова была змеиной и лежала на берегу озера. Неожиданно змей превратился в человека и возговорил: "О, это ты, Отохимэноко из (деревни) Синохара. Спускайся в мой дом, чтобы я мог еще ночь провести с тобой.

(Услышав это), ее служанка побежала домой и рассказала все родным. Когда же родные прибежали на вершину горы и посмотрели, то там не оказалось ни змея, ни Отохихимэко. Тогда они взглянули на дно озера и увидели там тело человека. Это был труп Отохихимэко..." /Древние Фудоки, 1969, с.138/. Похожий сюжет, связанный с горой Крэфуси, записан и в "Хитати Фудоки" /Древние фудоки, 1969, с.53-54/.

Истоки похожего на первый из этих двух сюжетов, связанного с распространенным в Японии культом горы Мива, изложены в сводах VIII в. "Записи о делах древности" (Кодзики, 712 г.) и "Анналы Японии", поэтической антологии "Собрание мириад листьев" (Манъёсю) и некоторых других источниках. Бог Окунинуси-но-микото изо всех сил трудился над объединением страны и ее обустройством, когда скоропостижно скончался его сподвижник Сукунахикона-но-микото. Переживая из-за этого, Окунинуси увидел на поверхности моря у провинции Идзумо странное сияние и услышал голос: "Мог ли ты без меня умиротворить эту землю?" Окунинуси удивился и в свою очередь спросил: "А кто ты такой?" "Я дух счастья, дух таинственный", - отвечал голос, который, как обнаружилось, принадлежал Омононуси, великому богу горы Миваяма, расположенной на востоке провинции Ямато (совр. уезд Сики префектуры Нара).

Один из мифов, связанный с богом Омононуси-но-ками, изложен в 1-й книге "Нихонги" (правление 11-го императора Японии, Судзин). На 13-м году правления Судзина, в 89 г. до н.э. (по датировке "Нихонги"), женой этого бога стала Ямато-Тотохи-Момосо-химэ. Но этот бог приходил к молодой жене только по ночам и никогда не показывался ей на глаза при дневном свете.

Когда она высказала своему божественному супругу желание любоваться его красотой в светлое время суток, он признал ее желание резонным и пообещал на следующее утро войти в ее шкатулку для гребней и остаться там. Наутро в шкатулке обнаружилась небольшая змея, но длине и толщине напоминающая шнурок для одежды. Женщина испуганно вскрикнула, отчего бог устыдился и, тотчас же обернувшись человеком, сказал ей: "Ты не удержалась и заставила меня испытать стыд. Теперь я заставлю тебя устыдиться!", после чего поднялся на гору Миморо (Миваяма).

В отчаянии Ямато-Тотохи-Момосо-химэ с размаху села на палочки для еды, пронзила ими себя и умерла. Могилу для ее праха днем сооружали люди, а по ночам - боги.

В "Кодзики" содержится похожий миф о том, как к прекрасной принцессе Икутамаери-химэ каждую ночь приходил отменной красоты мужчина. Вскоре принцесса забеременела и, обеспокоенная тем, что ее родители еще не знают, кто ее любимый, однажды тайком от него воткнула в подол его одежды иголку с длинной ниткой и наутро за той ниткой пошла. Нитка, пройдя сквозь замочную скважину, привела принцессу дальше и привела к синтоистскому святилищу на горе Миваяма. Тогда она поняла, что ее возлюбленный - это бог Мива, а сын ее - это сын бога горы Мива. Эту гору нарекли Мива (Три Кольца), потому что на катушке принцессы в то памятное утро оставались неразмотанными три кольца нити.

Таким образом, в первом случае мы встречаемся с вариантом запрета, напоминающем сюжет с Урасима и его шкатулкой, но относящемся не к открыванию шкатулки, а реакции на ее содержимое (вспомним Зверя Лесного Чудо морское в "Аленьком цветочке" Аксакова). Во втором случае запрет завуалирован и заменен тайным действием героини, но результат этого действия тот же, что и при нарушении запрета. Оба сюжета можно трактовать, как варианты испытания героини.

Эти коллизии имеют явные тотемистические истоки и когда-то напомнили профессору Хисамацу Сэнъити один айнский и один корейский сюжет.

Айнская легенда рассказывает, что когда-то давным-давно жили муж с женой. Детей у них не было. Однажды муж заболел и умер. Но вскоре люди стали говорить, что у женщины муж есть, что он, возможно, приходит к ней из могилы. По ее же словам, как-то раз перед нею действительно появился некий человек в черном. Обратившись к женщине, он молвил: "Я появился в облике человека, но на самом деле я бог, держащий на себе гору (т.е. медведь). Муж у тебя недавно умер, ты скучаешь в одиночестве, мне жаль тебя - дам тебе ребенка. Когда этот ребенок станет взрослым, он будет знаменитым рассказчиком". Говорят, что так оно и было. Потомки той женщины считали медведя своим предком /Хисамацу, 1962, с.125/.

Тот же ученый отмечает сходный с японским корейский сюжет, записанный в "Самгук юса" (XIII в.). Русский перевод этой записи приведен в книге А.Ф.Троцевич "Корейская средневековая повесть".

"Некогда в северном селении области Кванджу жил один богатый человек. Он имел единственную дочь, красивую обликом. (Однажды она) говорит отцу: "Каждый день какой-то мужчина в красном платье приходит ко мне в постель и живет со мной как с женой". Отец сказал: "А ты приколи к его одежде иглу с длинной нитью". Она так и сделала. На следующий день нашли нитку под северной оградой, а игла (была воткнута) в туловище большого земляного червя" /Троцевич, 1975, с.113/.

Проф.Сасаки упоминает еще, что в "Самгук юса" этот рассказ заканчивается замечанием о том, что от связи оборотня с дочерью богача родился мальчик, который впоследствии стал королем - деталь тоже весьма знаменательная /Хисамацу, 1962, с.125/.

Почти всякий миф даже в кратком изложении очень информативен и дает выходы на протокультуру. Так, сюжеты со змеем (червяком), кроме интересующего нас в данном контексте мотива, связанного с нарушением запрета, и тотемистической направленности, включает еще по крайней мере одну особенность, отражающую культовый аспект раннеземледельческой культуры. Специалисты-мифологи отмечают, что, по старинным

представлениям, в тело змеи облачается гром. Бог грома, в соответствии с древнеяпонскими верованиями, это маленький ребенок в облике змеи. Источники этого представления зашифрованы в иероглифической письменности: иероглиф, обозначающий понятие "гром", включает в себя сочетание (по вертикали) знаков "дождь" и "рисовое поле". Древние считали, что бог грома, обрета форму змеи, падает с неба в нижний мир и оплодотворяет рисовые колосья /Андзу и Умэда, 1976, с.597/.

Во всех рассмотренных здесь сюжетах можно обозначить и типологическую связь (с айнской, например, легендой) и некоторые непосредственные заимствования (элемент "иголка/нитка-подол"), а также ареальные представления, частью зашифрованные в письменном знаке (сравнительно поздние заимствования из Китая), частью скрытые в дописьменной протокультуре (цепочка "змей(червь)=муж=бог=родоначальник"). Если, по примеру проф.Кониси, представить сюжет о Миваяма в виде схемы, опустив менее полные его варианты, она примет такой вид:

1. Женщина вступает в связь с незнакомым мужчиной.
2. Мужчина скрывает от избранницы свой истинный облик.
3. Женщина тайно выслеживает его, он оказывается змеем.
4. Разоблаченный оборотень навсегда покидает героиню.

Такая схема лишней раз подтверждает, что сюжет о боге горы Мива является разновидностью сюжета о нарушении запрета. Во всех приведенных сюжетах активная роль в браке принадлежит божеству (животному), роль нарушителя запрета отводится человеку.

Разницу в двух типах сюжетов можно видеть в том, что в одних из них человек - мужчина, в других - женщина, в одних действие протекает без акцента на время суток, в других - с упором на деление характера действия в зависимости от темного или светлого времени суток (отсюда - вариант толкования образа змея или червя как вредителя, оправдывающий сюжетный ход с прокалыванием его иглой или разрубанием мечом) /Хисамацу, 1962, с.126-127/. Последние смыкаются с сюжетами о духах

растений и предметов, зафиксированными во многих древних и средневековых памятниках (включая литературу сэцува и новеллы отогидзоси), где духи действуют как обособленно, без участия людей, так и вместе с людьми. Но подавляющее их большинство не включает мотив нарушения запрета, хотя для многих из них характерен мотив испытания героя (чаще героини) и для всех - мотив скрытных поступков. Четкую границу между первыми и вторыми провести нельзя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андзу и Умэда, 1976 - Андзу Мотохико, Умэда Есихико /состав./ Синто дзитэн (Словарь синто), Токио, 1976.
2. Асакура, 1971 - Асакура Харихико, Иногути Акицугу, Окано Хирохико, Мацумаэ Такэси. Синва дэнсэцу дзитэн (Словарь мифов и легенд), Токио, 1971.
3. Древние фудоки, 1969 - Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Ходзэн). Перевод, предисловие и комментарий К.А.Попова, сер.: "Памятники письменности Востока", XXVIII, М., 1969.
4. Итико, 1979 - Итико Тэйдзи (ред.), Нихон бунгаку си (История японской литературы), т.1, Токио, 1979.
5. Кавагути, 1970 - Кавагути Хисао. Тонко сомон-то нихон бунгаку (Дуньхуанская простонародная литература и японская литература) - сб.: "Нихон синва" (Японские мифы), Токио, 1970.
6. Като, 1979 - Като Сюити. Нихон бунгаку си дзэсэцу (Очерк истории японской литературы), т.1, Токио, 1979.
7. Кониси, 1984 - Konishi Jin'ichi. A History of Japanese Literature. Vol.1: The Archaic and Ancient Ages, Princeton, 1984.
8. Масуда, 1970 - Масуда Кацуми. Умисати Ямасати (Удачливый на море, Удачливый в горах) - сб.: "Нихон синва" (Японские мифы), Токио, 1970.
9. Мифы, 1975 - Мифы древней Индии, М., 1975.
10. Пропп, 1984 - Пропп В.Я. Русская сказка, Л., 1984.
11. Троцевич, 1975 - Троцевич А.Ф. Средневековая корейская повесть. М., 1975.
12. Хисамацу, 1962 - Хисамацу Сэнъити. Синва, Дэнсэцу, Сэцува бунгаку (Литература мифов, легенд, преданий), Токио, 1962.